

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ДОСТОЕВСКИЙ В МИРОВОЙ И РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: ПРЕДВЕСТИЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНАЛИТИКИ¹ (ТГУ, 17–19 июня 2021 г.)

ПРИ УЧАСТИИ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО РАН (МОСКВА)
И БИБЛИОТЕКИ-МУЗЕЯ «ДОМ А.Ф. ЛОСЕВА» (МОСКВА)

УДК 123.1

DOI: 10.17223/1998863X/63/25

О.А. Донских

ЧЕЛОВЕК ЗА ПЕЛЕНОЙ СТРАХА (ПО КЬЕРКЕГОРУ И ДОСТОЕВСКОМУ)

В статье проводится сравнительный анализ взглядов Кьеркегора и Достоевского на то, как страх может поработать, а может и возвращать человека к самому себе. Оба мыслителя пристально рассматривают возможность рефлексии над страхом в ключе деятельного христианства. При этом Кьеркегор движется в своем анализе дедуктивно, отталкиваясь от христианской мифологии, тогда как Достоевский идет индуктивно от конкретных проявлений реальной эмоции страха.

Ключевые слова: страх, свобода, Кьеркегор, Достоевский

Ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.

(Откр. 3; 15,16).

В свое время Бодрийяр показал, что парадокс общества потребления состоит в том, что оно потребляет само себя в качестве общества потребления. «...Изобилие и потребление... не изобилие и потребление материальных благ, изделий и услуг, а потребленный образ потребления – составляют именно нашу новую родовую мифологию, мораль современности» [1. С. 308]. Если к этому мы добавим купание в виртуальной реальности, которое представлено нам развитием цифровых технологий, обнаруживается, что наше отношение к реальности – это уже даже и не зеркало пражского студента, которое все-таки может отразить его самого. Человек изначально строит свой образ, рефлектируя свое отражение в глазах и мнениях других людей, а с приходом новых способов потребленного потребления, представляемого как

¹ Конференция организована в юбилейный год Ф.М. Достоевского (200 лет со дня рождения).

свободное самовыражение, да еще и в виртуальной реальности социальных сетей, уход от самого себя оказывается главным условием выживания в потребительском обществе. В результате тают достоинство и ответственность, заменяясь настойчиво прокламируемыми правами личности, стремящейся к счастью, которое объявляется заранее заслуженным – ведь «Вы этого достойны!». В этой атмосфере те христианские ценности, которые определили возникновение европейского, так же как и российского общества, оказались не просто ненужными, но вредными и опасными. Ведь они нерасторжимо связаны с трансцендентным, а значит, неизмеримым и принципиально невоспринимаемым. Два совершенно несоединимых образа – человек, занятый продажей самого себя, и человек как раб Божий, как слуга Того, кто создал этот мир. Первый – раб по природе потребительского общества, второй – раб по природе человека, понятого как образ и подобие Бога.

Возникает и настоятельно требует ответа вопрос: что может вернуть человека к самому себе. Хотя вначале стоит задать вопрос, а нужен ли этот возврат? Ведь это означает, как минимум, что уйдет комфорт самомнения, замещенный ответственностью за себя и тем самым за других. Это означает и острое осознание положения, в котором находится человек общества потребления, явно или неявно встроенный в тысячи зависимостей от других. Должен ли он осознавать это? Ведь ответ начнет разъедать это общество изнутри, поскольку он означает, что люди начнут обретать внутреннюю свободу. По большому счету именно об этом говорит великий инквизитор из «Братьев Карамазовых», обращаясь к Христу: «Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим» [2. С. 251]. Это, конечно, вопрос о том счастье, к которому ведут комфорт и благополучие потребительского общества. О том счастье, которое достигается с помощью исключаяющих тяжелую физическую работу технических средств и максимально исключаяющих глубокие переживания биотехнологических средств.

Легко представить себе разговор Торквемады и Христа в условиях современного потребительского общества. Инквизитор вполне справедливо может утверждать, что люди никогда не жили так удобно, комфортно и счастливо, как в современных условиях, что воздвигнуто царство покоя и счастья. Да, это царство еще не охватывает всю землю, но это дело времени. В любом случае счастье человеку можно принести только извне. Да, это противоречит сущности христианства, как его представил основатель, но Он переоценил способность людей свободно контролировать себя. Эта ошибка исправлена, и с помощью современных технологий исправлена навсегда. Что может ответить Христос? Только повторить то, что Он уже говорил. «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаёте истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8: 31–32). Таким образом, необходимо считать вопрос о свободе главным вопросом, потому что именно свобода делает человека человеком, т.е. способным различать добро и зло. Но свобода не обретается в комфорте и тепле. Сказано же, что *теплых* изблюет Господь из уст своих (Откр. 3:16). Путь к свободе лежит через холод и жар, через страх и отчаяние. «...Происхождение того, что считается нашей человечностью, связано с чувством себя и идентичности, которое чревато двусмыслен-

ностью и страхом» [3. Р. 5]. Опыт осознания страха, являющегося одним из важнейших условий духовного движения человека к самому себе, задает предмет настоящей статьи.

Очевидно, что чувство страха присуще многим живым существам, а не только человеку, в то же время человек боится по-другому, поскольку обладает мышлением. «Мы, люди, можем бояться почти всего. Наш страх имеет гораздо больший потенциал, чем страх, который может испытывать любое другое животное, именно потому, что мы являемся *animal symbolicum*. Как только мы слышим об опасности, какой бы отдаленной она ни была, мы часто воспринимаем ее как угрозу для себя. Не в последнюю очередь мы сами конструируем бесчисленные воображаемые угрозы – и здесь мы находим важную причину зверств, совершаемых людьми друг против друга» [4. Р. 29]. Именно возможность рефлексии над страхом, осознание его и преодоление осознанного – это преимущество человека над другими живыми существами.

Материалом для анализа выступают отдельные произведения С. Кьеркегора и Ф.М. Достоевского. Начнем с первого, поскольку Кьеркегор напрямую посвятил страху несколько своих работ.

Кьеркегор изначально различает два вида страха – он «был тут первым, – первым философом, первым психологом, первым теологом, – разграничившим „страх-боязнь“ (*Frygt*), т.е. *страх, которому мы можем найти, подобрать конкретную причину*, и некий мучительный, сосущий человека изнутри *страх-головокружение* (*Angest*), лишенный рациональных объяснений. Истинный страх: страх перед черным провалом» [5. С. 15]. Очевидно, что основанием для размышлений Кьеркегора служили библейские тексты, в первую очередь ветхозаветные, где о страхе говорится очень внушительно. Так, в Псалтири страх перед Богом выступает ни больше ни меньше как признак человечности – «Наведи, Господи, страх на них; да знают народы, что человеки они» (Пс 9, 21–22) и «утверди сердце мое в страхе имени Твоего» (Пс 85, 11). В той же Псалтири встречается идея, которая неоднократно повторяется в других книгах (в «Притчах Соломона», в «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова», в «Книге Иова»): страх Господень – начало мудрости. При этом парадоксальным образом страх дает радость и приносит любовь – «Страх Господень усладит сердце и даст веселие и радость и долгоденствие. Боящемуся Господа благо будет напоследок, и в день смерти своей он получит благословение. Страх Господень – дар от Господа и поставляет на стезях любви» (Сир. 1, 12–13). Конечно, совершенно очевидно, что наряду с этим есть и тот обычный страх, который родствен людям и животным – физический страх за свое существование, но именно страх перед Богом и отличает человека.

Кьеркегор в своем анализе постепенно восходит от обычной робости к тому *экзистенциальному страху*, который пережил Христос и который не может пережить ни один человек. И в первую очередь, он имеет в виду страх в его отношении к первородному греху, чему, собственно, посвящена его специальная работа о понятии страха [6]. По его мнению, животные не ощущают страха, поскольку не пережили грехопадения. Таким образом, он сразу берет страх не в чисто эмоциональном значении, тот страх, который является общим для человека и животных, а именно человеческий страх. В случае страха-боязни причина конкретна и осознаваема. В случае же со страхом эк-

зистенциальным ситуация гораздо сложнее, и именно он является предметом размышлений Кьеркегора. Этот страх амбивалентен – он очевидно присутствует, и его присутствие осознается, но он беспричинен, и осознание скользит без всякой возможности найти хотя бы какую-то опору, и в этом смысле он принципиально неосознаваем.

Для Кьеркегора человек – это синтез душевного и телесного в духе. В состоянии невинности Адам не мог бояться и не мог знать, но он уже потенциально ощущал страх как отношение к Ничто. Кьеркегор развивает концепцию страха через серию противоречий. Так, «страх – это не определение необходимости, но он также и не определение свободы, страх есть скованная свобода, когда свобода не свободна в самой себе, но скована – и не в необходимости, но в себе самой» [6. С. 67–68]. Или: «Страх обнаруживает судьбу, но как только индивид хочет утешиться судьбой, страх поворачивается и убирает судьбу прочь, ибо судьба подобна страху, а страх, подобно возможности, является магической картинкой» [Там же. С. 190]. Поскольку страх начинается с отношения к Ничто, он изначально амбивалентен – «Страх – это симпатическая антипатия и антипатическая симпатия» [Там же. С. 60]. Поскольку дух появляется вместе со свободой, то свободу можно рассматривать и как условие человечности вообще и, соответственно, как условие появления страха. Свобода рождает страх, а страх может убить свободу: «...страх – это головокружение свободы, которое возникает, когда дух стремится полагать синтез, а свобода заглядывает вниз, в свою собственную возможность, хватаясь за конечное, чтобы удержаться на краю. В этом головокружении свобода рушится» [Там же. С. 81]. Губя свободу, страх может превратить человека в животное.

Кьеркегор принципиально различает страх «естественного» человека и страх христианина. Только христианин способен приблизиться к истинному страху – *страху отпадения от Бога*. «Христианин – единственный, кто знает, что такое смертельная болезнь. Он черпает из христианства храбрость, которой так недостает естественному человеку, – храбрость, получаемую вместе со страхом от крайней степени ужасного. Стало быть, храбрость нам всегда дарована; а страх перед великой опасностью дает нам решимость противостоять опасности меньшей; бесконечный же страх перед единственной опасностью делает все прочие несуществующими» [7. С. 28]. Но и здесь Кьеркегор демонстрирует абсолютное противоречие, связанное со страхом христианина. Дело в том, что предельным случаем этого страха был ужас, который пережил Христос в Гефсиманском саду. Он был свят и невиновен, и все же был оставлен. Этого ужаса ни один человек пережить не способен. Но ведь и Христос должен был и мог пережить этот страх только как человек, а не как Бог. Анализ этой ситуации позволяет Кьеркегору различить степени страха, присущие не христианину, а любому человеку.

На первых подступах *страх* – это *боязнь от неуверенности*, так, «когда ребенок только робеет перед учителем и боится его, он может, пожалуй, многому научиться; но когда доверие изгоняет страх и побеждает свобода духа, тогда начинается образование в высшем смысле этого слова» [8. С. 218]. В этом случае страх мешает познанию, тормозит его, но он преодолевается доверием к старшему, и тогда от буквального послушания ребенок переходит к свободному построению своего ментального мира, оказываясь собеседни-

ком, а не простым слушателем. Этот страх преодолим к пользе личности. Новое послушание строится на основе свободы, поэтому «научиться послушанию – это исполнение премудрости» [8. С. 120].

Есть совсем другой страх, что не выполнишь свою задачу перед Богом. Здесь ты переживаешь страдание, но перед Богом страдание никогда не бывает без вины. Этот *страх невыполнения задачи* очень тяжел, но в этой ситуации есть надежда. Страшнее, когда нет задачи, «безнадежным ужасом было бы, если бы вышло, будто не с чего и начать, так что он при всем своем желании не мог бы найти никакой задачи» [Там же. С. 161]. Человека охватывает леденящая дрожь, когда он видит, например, человека, тонущего в болоте, – здесь нет ни надежды, ни задачи, чистое переживание ужаса. *Чистый страх сострадания* к безнадежной ситуации другого. Ты не можешь вмешаться, а можешь лишь бессильно сопереживать чужому страху.

Возвращаясь к Христу, когда Он произносит произносимые слова «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27:46), теперь можно объяснить, почему этот страх неспособен пережить больше никто – это *чистый страх сострадания к безнадежной ситуации себя*, когда, говоря словами Кьеркегора, нет никакой задачи.

Почти такой же ужас переживает Авраам во время жертвоприношения Исаака, разница лишь в том, что человек Христос уверен в своей невиновности, а Авраам не может быть в этом уверен. Если можно построить шкалу страха – от простой боязни до ужаса, пережитого Христом, то в «Страхе и трепете» Кьеркегор исследует то расстояние, которое на этой шкале отделяет страх Исаака, осознавшего, что он и является жертвенным животным, от страха Авраама, совершающего жертвоприношение из любви к Богу. Этот страх и сделал Авраама основателем трех религий. Пережитый им страх может быть помещен между страхом Христа и страхом святых.

У Достоевского, в отличие от Кьеркегора, нет специальных работ, посвященных страху. Кроме того, в отличие от датского мыслителя, Достоевский не был особенно искушен в святоотеческом наследии. Об этом свидетельствует Н.С. Лесков: «Пишущий эти строки знал лично Ф.М. Достоевского и имел неоднократно поводы заключать, что этому даровитейшему человеку, страстно любившему касаться вопросов веры, в значительной степени недоставало начитанности в духовной литературе, с которой он начал свое знакомство в довольно поздние годы жизни и по кипучей страстности своих симпатий не находил в себе спокойности для внимательного и беспристрастного ее изучения» [9. С. 315]. Но чувство страха и соответствующие сюжеты детально разрабатываются Достоевским.

Первым произведением, где чувство страха играет ключевую роль, является небольшая повесть «Хозяйка». Здесь Достоевский анализирует *страх порабощающий*, тот страх, который делает человека рабом, абсолютно зависимым от своего страха, неважно, перед чем-то реальным или фантастическим. Героиня повести Катерина испытывает этот страх, и даже молитва ей не помогает выйти из этого состояния, не дает ей надежды. «Тяжело, тяжело мне теперь, час мой приходит последний! – проговорила она наконец, тоскуя в безвыходной муке. Она силилась еще что-то проговорить, но окостенелый язык ее не мог произнести ни одного слова» [10. С. 37]. Достоевский показывает, что это жуткое состояние заразно, и главный герой вовлекается в по-

добное переживание, начиная с совместной молитвы в церкви, когда он едва не перестал сознавать себя. Позже во сне «...он мыслил не бесплотными идеями, а целыми мирами, целыми созданиями, как он носился, подобно пылинке, во всем этом бесконечном, странном, невыходимом мире и как вся эта жизнь, своею мятежною независимостью, давит, гнетет его и преследует его вечной, бесконечной иронией; он слышал, как он умирает, разрушается в пыль и прах, без воскресения, на веки веков...» [10. С. 22]. И здесь же обозначается первый подступ к вопросу инквизитора о свободе – «Дай ему волюшку, слабому человеку, – сам ее свяжет, назад принесет. Глупому сердцу и воля не впрок!» [Там же. С. 64]. А.Л. Бем предполагает, что уже в это время Достоевский приходит к концепции противопоставления свободного христианства и исторической церковности [11. С. 326]. В «Хозяйке» появляется важный мотив, который потом отзывается в ряде других произведений – это настолько мощная заразительность определенного чувства, в данном случае страха, что оно может передаваться всему обществу. Позже, например, герой рассказа «Сон смешного человека», впадая в солипсизм, сначала осознает, что жизнь и мир от него зависят, а потом в своем сне заражая своей душевной болью целую внеземную цивилизацию, бывшую до его прихода абсолютно добродетельной, развращает ее и затем уже не может никакой жертвой остановить этот убийственный процесс.

Несомненно, позже представление Достоевского о страхе обогатилось его каторжным опытом, где он увидел, в частности, тот «какой-то острый, но чисто физический страх, невольный и неотразимый, подавляющий все нравственное существо человека» [12. С. 174], т.е. *страх беспощадного физического наказания*, который даже самых сильных людей превращает в животное и который питает гордость палачей. Достоевский описывает и *страх осознания решимости другого человека*, и *покорный страх отказа* [13. С. 35, 56]. Эти оттенки и виды страха, описанные писателем, требуют, конечно, более тщательного исследования, но в данной статье мы обратимся лишь к тем, которые позволяют сравнить Достоевского с датским мыслителем.

Переживанию смертного страха посвящен ряд эпизодов в «Идиоте». Что делается от страха с человеческой душой? «Преступник был человек умный, бесстрашный, сильный, в летах, Легро по фамилии. Ну вот, я вам говорю, верьте не верьте, на эшафот всходил – плакал, белый как бумага. Разве это возможно? Разве не ужас? Ну, кто же со страху плачет? Я и не думал, чтоб от страху можно было заплакать не ребенку, человеку, который никогда не плакал, человеку в сорок пять лет. Что же с душой в эту минуту делается, до каких судорог ее доводят? Надругательство над душой, больше ничего! Сказано: „не убий“, так за то, что он убил, и его убивать? Нет, это нельзя» [14. С. 23]. Достоевский здесь различает *страх человека, находящегося в смертельной опасности*, и *страх человека, убиваемого по приговору*. В первом случае есть надежда, хотя бы и бесконечно слабая. Во втором ее нет. В отличие от убийства разбойничьего и т.д. убийство по приговору отнимает малейшую надежду, и это самое ужасное. «...Человеком уж больше не будешь, и что это уж наверно; главное то, что *наверно*» [Там же. С. 24]. Это страх нечеловеческий, с человеком нельзя так поступать. Несколько ниже стоит *страх переживания того, что может произойти* что-то чудовищное, но пока это не произошло этот страх перемежается приступами восторга [Там же. С. 295]. Параллельно

Достоевский описывает тот страх, который выделял Кьеркегор, – *страх-головокружение, лишенный рациональных объяснений*. Его переживает Лизавета Прокофьевна, которая «сквозь присущее ей всегда беспокойство, ...успевала всегда разглядеть что-то такое, что пугало ее иногда до болезни, самым мнительным, самым необъяснимым страхом, а стало быть, и самым тяжелым» [14. С. 293–294]. И этот страх постоянно толкает ее на то, чтобы отыскать некую причину, требует своего обоснования, хотя он появился задолго до той причины, которая будет найдена.

В противоположность этому мучительному беспричинному страху описывается другой страх, имеющий конкретную причину, но выводящий к тому же беспричинному страху, который может полностью поглотить человека. Это страх перед смертью Христа, который умер, будучи человеком и превратился в труп. Этот вопрос обсуждается в эпизоде с картиной, которую князь видит у Рогожина. На ней изображен обезображенный труп Христа. И у тех, кто видит это, возникает мысль, что если так ужасна смерть, и так сильны законы природы, то как же одолеть их? Как одолеть их, когда не победил их теперь даже тот, который побеждал и природу при жизни своей, которому она подчинялась, который воскликнул: „Талифа куми“ – и девица встала, „Лазарь, гряди вон“, – и вышел умерший?» Если был так обезображен и убит лучший человек, стоивший всей земли, то чего стоит жизнь остальных? Картиной этою как будто именно выражается это понятие о темной, наглой и бессмысленно-вечной силе, которой все подчинено, и передается вам невольно. Эти люди, окружавшие умершего, которых тут нет ни одного на картине, должны были ощутить страшную тоску и смятение в тот вечер, раздробивший разом все их надежды и почти что верования. Они должны были разойтись в ужаснейшем страхе, хотя и уносили каждый в себе громадную мысль, которая уже никогда не могла быть из них исторгнута» [Там же. С. 362]. Возникает вопрос: рождает ли эта мысль надежду? Несет ли что-то сознание этого ужаса, кроме отчаяния? Тем более, что эта страшная сила олицетворяется в странной невозможной форме в виде «глухого, темного и немного существа», в виде огромного тарантула... Представляется, что можно говорить о том, что ужас, пережитый Христом, передается свидетелям его страданий и смерти в виде страха порабащивающего (описанного в «Хозяйке»). И этот страх не имеет ничего общего со страхом святых или страхом Авраама. И он не ведет к мудрости. Он пытается избавиться от ответственности быть собой. Со ссылкой на «Братьев Карамазовых» эту мысль подчеркивает Эрих Фромм – «Испуганный индивид ищет кого-нибудь или что-нибудь, с чем он мог бы связать свою личность; он не в состоянии больше быть самим собой и лихорадочно пытается вновь обрести уверенность, сбросив с себя бремя своего Я» [15. С. 161]. И он бросается в объятия Торквемады.

Еще один вид страха, который не ведет к мудрости, рассматривается в «Подростке», это страх одиночества в безбожном мире. Версифов формулирует ряд парадоксов. Сначала он говорит, что самый лучший человек в мире – это русский атеист, потому что он добр, а добр, потому что «безмерно доволен тем, что он атеист», и поэтому «наклонен приласкать Бога». Именно потому, что Его не боится. Затем он рассуждает о том, что любить людей такими, какие они есть, невозможно. «Люди по природе своей низки и любят любить из страху; не поддавайся на такую любовь и не переставай презирать. Где-то в

Коране Аллах повелевает пророку взирать на «строптивых» как на мышей, делать им добро и проходить мимо, – немножко гордо, но верно. Умей презирать даже и тогда, когда они хороши, ибо всего чаще тут-то они и скверны» [16. С. 202–203]. Люди настолько плохи, что умный человек не может не презирать даже самого себя. И только в страхе человек создает свой образ человечества и любит его, т.е. любит самого себя. Этот страх рождает любовь, но это любовь к самому себе, ложно перенесенная на человечество и потому пустая. Ведь объекта этой любви не существует. И в окончательном противоречии с этими парадоксами в романе возникает: «...страшно оно сердцу и дивно; и страх сей к веселию сердца: „Все в Тебе, Господи, и я сам в Тебе и прими меня!“» [17. С. 18]. Это тот страх, который анализирует Кьеркегор, опираясь на ветхозаветные тексты.

И еще один, совершенно иной вид страха появляется в «Зимних заметках о летних впечатлениях», когда автор говорит о том, что утвердившаяся в себе личность, не имеющая страха за себя, «...ничего не может сделать другого из своей личности, т.е. никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями» [Там же. С. 249]. То есть здесь речь идет о *страхе не стать личностью*. С этим связана идея о том, что для того чтобы любить, нужно освободиться от страха за себя, *страха как «последствия всякой лжи»*, Достоевский позже высказывает словами старца Зосимы. И любовь тогда оказывается делом «жестоким и утрашающим». Получается, что совершенно не связанный с отношением к Богу страх не стать личностью витиеватым образом пересекается с христианским чувством деятельной любви.

Итак, что же дает проведенный анализ для ответа на вопрос, заданный в начале статьи? Что может вернуть человека к самому себе? Кьеркегор ведет свой анализ с позиции философа, смотрящего на мир с «6000 футов по ту сторону человека и времени» (как определял это Ницше) [18. С. 743], тогда как Достоевский начинает свой анализ с конкретных эмоций и постепенно поднимаясь к обобщениям. Можно прибегнуть еще к одному различию, которое делает Ларс Свендсен: «Кажется, что мы обычно сосредоточиваем свое внимание на потенциально опасном во всем, с чем сталкиваемся в жизни. Нам необходимо различать страх как общую предрасположенность и страх как реальную эмоцию» [4. Р. 46]. Если Кьеркегор исследует страх как общую предрасположенность, почему и обращается к христианской мифологии, то Достоевский отталкивается от реальной эмоции страха.

Тем не менее, в конечном итоге и Кьеркегор, и Достоевский предлагают человеку-потребителю одно и то же – обращение к христианским ценностям. Человек без Бога не способен найти в себе опору для преодоления страха, он может лишь уходить от самого себя, утрачивая внутреннюю свободу и оказываясь в объятиях построенного инквизитором Левиафана.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. : АСТ, 2020. 320 с.
2. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : Братья Карамазовы. Ч. 1, 2. М. : Мир книги, Литература, 2008. 336 с.
3. Ludger H. Viefhues-Bailey. Beyond the Philosopher's Fear. A Cavellian Reading of Gender, Origin and Religion in Modern Skepticism. Ashgate Publishing Company, 2007. 177 p.
4. Svendsen L. A Philosophy of Fear. Reaktion Books, 2008. 155 p.

5. Исаева Н., Исаев С. Смерть как чертог или смерть как порог: путешествие с верным проводником // Кьеркегор С. Болезнь к смерти. 2-е изд. М. : Академический проект, 2014. 160 с.
6. Кьеркегор С. Понятие страха. 2-е изд. М. : Академический проект, 2014. 224 с.
7. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. 2-е изд. М. : Академический проект, 2014. 160 с.
8. Кьеркегор С. Евангелие страданий. М. : Свято-Владимирское изд-во, 2011. 304 с.
9. Ремизов В.Б. Толстой и Достоевский. Братья по совести. М. : РГ-Пресс, 2019. 688 с.
10. Достоевский Ф.М. Хозяйка // Полное собрание сочинений и писем : в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 2014. Т. 2. 773 с.
11. Бем А.Л. Драматизация бреда («Хозяйка» Достоевского) // Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе. М. : Языки славянской культуры, 2001. 448 с.
12. Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома // Полное собрание сочинений и писем : в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 2014. Т. 2. 773 с.
13. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: Униженные и оскорбленные. М. : Мир книги, Литература, 2008. 336 с.
14. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: Идиот : Роман. Ч. 1–3. М. : Мир книги, Литература, 2008. 432 с.
15. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. 571 с.
16. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : Подросток : Роман. Ч. 1, 2. М. : Мир книги, Литература, 2008. 366 с.
17. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : Подросток : Роман. Ч. 3; Зимние заметки о летних впечатлениях; Вечный муж; Повести. М. : Мир книги, Литература, 2008. 416 с.
18. Ницше Ф. ЕССЕ НОМО. Как становятся сами собою // Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 2. 829 с.

Oleg A. Donskikh, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: olegdonskikh@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 63. pp. 258–267.

DOI: 10.17223/1998863X/63/25

THE PERSON BEHIND THE VEIL OF FEAR (BY KIERKEGAARD AND DOSTOEVSKY)

Keywords: fear; freedom; Kierkegaard; Dostoevsky

Baudrillard showed that the peculiarity of a consumer society is that it consumes itself being a society of consumers. In this atmosphere, the Christian values that determined the foundation of European and Russian societies turn out to be harmful and dangerous. The question arises and urgently demands an answer: what can bring a person back to oneself? The experience of the awareness of fear, which is one of the most important conditions for spiritual movement of a person to oneself, as it is presented in the works of Kierkegaard and Dostoevsky, is the object of analysis in the article. Kierkegaard initially distinguishes between two types of fear: 1) fear defined by specific circumstances, and 2) fear devoid of rational explanations. In his analysis, Kierkegaard relies on the Old Testament texts. He speaks of the existential fear that Christ experienced and that no human being can experience. This is the ultimate fear and ambivalent at the same time – it is obviously present, and its presence is realized, but it is causeless, and awareness slips without any possibility of finding at least some support, and in this sense it is fundamentally unconscious. Only a Christian can approach the true fear – the fear of falling away from God. The analysis of this situation allows Kierkegaard to distinguish the degrees of fear inherent not exclusively in a Christian, but in any person. Dostoevsky, unlike Kierkegaard, has no special works devoted to fear. Yet the feeling of fear and the corresponding plots are elaborated in detail by Dostoevsky in a number of works, the first of which is *The Hostess*. Here Dostoevsky analyzes the fear that turns a person to a slave, absolutely dependent on one's fear, no matter whether it is real or fantastic. Here is also the first approach to the inquisitor's question of freedom. In addition, an important motif appears here – the powerful contagion of a certain feeling, fear in this case. The article describes the shades and types of fear presented by the writer in *Notes from the Dead House*, *The Idiot*, *The Adolescent*, and other works. Ultimately, both Kierkegaard and Dostoevsky offer the same thing to the consumer – an appeal to Christian values. A person without God is not able to find support in oneself to overcome fear, but can only move away from oneself, losing one's inner freedom and finding oneself in the arms of the Leviathan built by the inquisitor.

References

1. Baudrillard, J. (2020) *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer Society]. Translated from French. Moscow: AST.
2. Dostoevsky, F.M. (2008a) *Sobranie sochineniy: Brat'ya Karamazovy* [Collected Works: The Brothers Karamazov]. Vol. 1, 2. Moscow: Mir knigi, Literatura.
3. Viefhues-Bailey, L.H. (2007) *Beyond the Philosopher's Fear. A Cavellian Reading of Gender, Origin and Religion in Modern Skepticism*. Ashgate Publishing Company.
4. Svendsen, L. (2008) *A Philosophy of Fear*. Reaktion Books.
5. Isaeva, N. & Isaev, S. (2014) *Smert' kak chertog ili smert' kak porog: puteshestvie s vernym provodnikom* [Death as a hall or death as a threshold: a journey with a faithful guide]. In: Kierkegaard, S. *Bolezn' k smerti* [Desease to Death]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskii proekt.
6. Kierkegaard, S. (2014) *Ponyatie strakha* [The Concept of Anxiety]. 2nd ed. Translated from Danish. German. Moscow: Akademicheskii proekt.
7. Kierkegaard, S. (2014) *Bolezn' k smerti* [Desease to Death]. 2nd ed. Translated from Danish. Moscow: Akademicheskii proekt.
8. Kierkegaard, S. (2011) *Evangelie stradanii* [The Gospel of Suffering]. Translated from Danish. Moscow: Svyato-Vladimirovskoe izd-vo.
9. Remizov, V.B. (2019) *Tolstoy i Dostoevskiy. Brat'ya po sovesti* [Tolstoy and Dostoevsky. Brothers in Conscience]. Moscow: RG-Press.
10. Dostoevskiy, F.M. (2014a) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 t.* [Complete Works and Letters in 35 vols]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.
11. Bem, A.L. (2001) *Issledovaniya. Pis'ma o literature* [Studies. Letters on Literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
12. Dostoevskiy, F.M. (2014b) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 t.* [Complete Works and Letters in 35 vols]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg: Nauka.
13. Dostoevskiy, F.M. (2008b) *Sobranie sochineniy: Unizhennye i oskorblennye* [Collected Works. Humiliated and Insulted]. Moscow: Mir knigi, Literatura.
14. Dostoevskiy, F.M. (2008c) *Sobranie sochineniy: Idiot* [Collected Works. The Idiot]. Parts 1-3. Moscow: Mir knigi, Literatura.
15. Fromm, E. (2006) *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from Freedom. A Man for Himself]. Translated from German. Moscow: AST: AST MOSKVA.
16. Dostoevskiy, F.M. (2008d) *Sobranie sochineniy: Podrostok* [Collected Works. The Adolescent]. Parts 1, 2. Moscow: Mir knigi, Literatura.
17. Dostoevskiy, F.M. (2008e) *Sobranie sochineniy: Podrostok* [Collected Works. The Adolescent]. Part 3. Moscow: Mir knigi, Literatura.
18. Nietzsche, F. (1996) *Sochineniya v 2 t.* [Works in 2 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.